

- геогр. наук: 11.00.01 / Волинський держ. ун-т ім. Лесі Українки - Луцьк, 2000. - 162 с.
6. Егоров Д. Н. Славяно-германські відношення в середні віки. Т. 1, 2. - М., 1915.
 7. Жекулин В. С. Введение в географию. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. - 272 с.
 8. Жучкевич В. А. Общая топонимика. - Минск: Вышэйшая школа, 1968. - 432 с.; 1980. - 287 с.
 9. Зеленська Л. І. Топонімія Дніпропетровської області. - Д.: РВВ ДНУ, 2001. - 56 с.
 10. Карпати: Атлас авто туриста: М. 1:250 000. - К.: ДНВП "Картографія", 2005. - 104 с.
 11. Подольская Н. В. О развитии отечественной топонимической терминологии // Развитие методов топонимических исследований. - М.: Наука, 1970. - С. 46-55.
 12. Поспелов Е. М. Топонимика и картография. - М.: Мысль, 1971. - 256 с.
 13. Салищев К. А. Картоведение. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. - 400 с.
 14. Судаков А. С. Наименования географических объектов // Геодезия и картография. - 1999. № 3. - С. 34-39.
 15. Таранова Н. Б. Фізико-географічна зумовленість топонімії Гологоро-Кременецької гряди та Малого Полісся: Автореф. дис... к-та геогр. наук: 11.00.01 / Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. - Л., 2004. - 20 с.
 16. Ханмагомедов Х. Л. Топонимическое картографирование - новое направление в советской картографии // Экологическое картографирование на современном этапе. Кн. 2. - Л., 1991. - С. 57-59.
 17. Шаруха И. Н. Разработка топонимической терминологии с целью введения в географическую науку // Модернізація і реформування середньої, вищої і післядипломної географічної та картографічної освіти в країнах СНД: досвід, проблеми, перспективи. - Вінниця: Антекс-У ЛТД, 2003. - С. 138-141.
 18. Atlas ceskoslovenských dejin. - Praha, 1965.
 19. Lesnický a myslivecký atlas. - Praha, 1955.

А. В. ДМИТРИЕВ

ВОДСКАЯ ТОПОНИМИКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Водь (самоназвание - *vaddalaizod*) - прибалтийско-финская народность, проживающая в юго-западной части Ингерманландской историко-культурной зоны (далее ИИКЗ) между низовьем р. Луги и пос. Копорье. Всего деревень с водским населением насчитывается 32. По последней переписи 2002 г. численность воды не превышает 80 человек.

Ареал и исторические границы развития водской топонимики до сих пор не установлены. Поэтому в этой статье нам показалось уместным говорить о водской топонимике как о топонимике в пределах современного ареала проживания воды, или Водской земли, то есть упомянутой выше территории между р. Лугой и пос. Копорье (водь сойкинская, лужская, копорская и котловская). Эта топонимика имеет ижорские, финские и русские варианты, однако ее основу составляют водские названия.

Статья имеет целью показать на материале русских и зарубежных исторических источников особенности развития и трансформации водской топонимики в историко-культурном аспекте.

Ингерманландская историко-культурная

зона находится на юго-западе Ленинградской области между р. Наровой и Ладожским озером. Ее площадь составляет около 15000 кв. км. Выбор зоны обусловлен тем, что она является древнейшей зоной контактирования двух этносов Ингерманландии - русских и финнов, а также тем, что она формировалась на протяжении многих столетий в результате взаимодействия культур разного типа - дофинно-угорской, финской и русско-финской.

Эти длительные и сложные процессы привели к тому, что на территории нынешней Ингерманландии сформировалась своеобразная топонимическая система, которая продолжает развиваться и трансформироваться даже в настоящее время, когда миграции населения Ингерманландии давно завершились. Основу этой системы составляют русские географические названия, многие из которых отражают влияние финских, ижорских и водских топонимов. Однако сохранившееся прибалтийско-финское население часто пользуется своими топонимами - вепскими, карельскими, ижорскими, водскими.

Процессы миграции не могли не привес-

ти к изменению культурного ландшафта. Под культурным ландшафтом мы понимаем результат взаимодействия человека и природы, территорию, которая является местом обитания определенной группы людей. Исходя из административно-территориального и физико-географического районирования, мы рассматриваем топонимику как элемент культурного ландшафта. Исследовав топонимическую систему рассматриваемого ареала, мы сможем вскрыть механизмы и динамику эволюции ИИКЗ, а также определить роль топонимики как фактора формирования культурного ландшафта.

Водь - древнейшее автохтонное племя Ингерманландии, которое ведет свою историю примерно с начала I тыс. н.э.

До прихода прибалтийских финнов на территории современной Ленинградской области (и ИИКЗ, в частности) существовала дофинно-угорская культура Кунда. Археологи датируют эту культуру VII-VI тыс. до н.э. Она являлась потомком так называемой свидерской европеоидной культуры, которая сформировалась еще в VIII тыс. до н.э., когда уже растаял Понойский ледниковый щит, являвшийся преградой для заселения Восточной Фенноскандии (Южная Финляндия, Карелия, Кольский п-ов, Ингерманландия) [16, 22, 24, 32].

В начале I тыс. н.э. предки прибалтийских финнов отселились от поволжских финнов и ушли к Балтике. Сюда они принесли культуру ямочно-гребенчатой керамики. Здесь начинает складываться общий прибалтийско-финский язык. В I тыс. н.э. идет формирование отдельных племен прибалтийских финнов [5, 36, 38, 40]. В это же время, как свидетельствуют археологи и этнографы, от северо-восточных эстов стала отделяться водь, и начал формироваться водский язык [17, 29, 30].

В I тыс. н.э. территория проживания води была гораздо шире, чем сейчас, и охватывала земли между рр. Наровой и Невой, от Финского залива до оз. Врево [17, 30]. Можно предполагать, что с начала I тыс. н.э. начинается период становления водской топонимики. Однако со временем ареал води стал уменьшаться, и водская топонимика, по-видимому, модифицировалась под влиянием ижорского языка и языка ильменских словен, которые пришли в эти земли в VIII-IX вв.

Очевидно, что водь, которую мы знаем

сейчас, это не та водь, которая проживала восточнее Финского залива в I тыс. н.э. Нам неизвестно, сохранились ли сейчас следы топонимики этой води, а если и сохранились, то топонимика води современной и води исторической разная, и мы не знаем, где "истинно водская", а где смешанная водско-ижорская.

Исходя из этого, следует дифференцировать водь по разным ареальным группам: сойкинская водь (Сойкинский полуостров), лужская водь (устье р. Луга), копорская водь (район вокруг пос. Копорье), котловская водь (район вокруг д. Котлы) и т.д. Такая дифференциация позволяет нам выявить ареальную водскую топонимику, то есть увидеть в ней ижорский след, финский след, русский след в зависимости от того, с какими народами или племенами соприкасалась или смешивалась водь в разные исторические периоды.

Если до XI в. история, точнее, этногенез води нам известен лишь по археологическим находкам, которые относятся к IV-VII вв. н.э., то, начиная с XI в., мы узнаем историю води уже по первым документальным свидетельствам.

Водь впервые упоминается под 1069 г. в *Новгородской первой летописи* (далее НПЛ) [19, с. 2]. В XI в. водь попадает в вассальную зависимость от Новгорода. В XI-XII вв. происходит сокращение численности води и ассимиляция русскими, так как на территории Ингерманландии ведутся бесконечные войны.

Надо сказать, что в период с XI по XV вв. в различных источниках (русских и зарубежных) водь фигурирует весьма редко [19, 34, 39]. Из этих документов мы не знаем о водской ономастике практически ничего, кроме упоминания ее этнонима и частично топонимов, называющих ареал проживания. В НПЛ есть интересный, на наш взгляд, вариант топонима, называющий ареал проживания води в XII-XIII вв. - *Клин*. Он упоминается под 6639 г. (1131) и 6708 г. (1200) [19, с. 6, 25]. В современном водском языке первый компонент самоназвания води и Водской земли *vadda* (*vaddalaizod*, *Vaddamaa*) означает как раз "кол", или "клин". Это русское название Клин, употребленное летописцем, свидетельствует об интересном изоморфизме в самосознании водского народа: водь себя и по сей день отождествляет с постоянными и коренными

жителями этой земли.

Опираясь на русские и зарубежные источники XI-XV вв., можно проследить историю води от начала ее участия в новгородских политических делах и до окончательного вхождения Водской земли в состав Новгородской республики, но проанализировать водскую топонимику практически невозможно. Конечно, нельзя отрицать, что и в "Молении Даниила Заточника" (XII в.), и в "Слове о полку Игореве" (XII в.) встречаются топонимы северо-западных земель Новгородской республики, но они нам не дают систематического свода для глубокого лингвистического анализа.

Надо сказать, что и в "Хронике Ливонии" Генриха Латвийского (XIII в.) также встречается топонимика восточных от Виронии (Эстонии) земель. Генрих упоминает названия *Ингария* и *ингары* в связи с походом унговцев в соседние с Виронией земли, в ходе которого они перешли р. Нарову и "разграбили соседнюю область". Однако опять-таки мы можем лишь предполагать и догадываться, что под "соседней областью" подразумевается Водская земля, "область вотов (финнов), которых Генрих нигде не называет" [7, с. 221-222]. Кто такие ингары и Ингария - ижоры, жители Ингарии, или также водь - нам тоже неизвестно.

В XV в. часть води была переселена Ливонским орденом на латышские земли. Чтобы обеспечить безопасность пограничных областей Русского государства, много вожан было насильно вывезено в среднерусские земли, а на их место переселили русских жителей.

В XV-XVI вв. в русских документах начинают фигурировать два новых топонима - *Водская пятина* - в писцовых книгах [20] и *Водская земля* - в грамотах [1, с. 349, 402, 448; 2, с. 83, 178, 198, 199; 3, с. 43, 62, 66, 320].

Водская пятина как новая административная единица объединила Водскую, Ижорскую, Вепсскую земли и часть Лопской земли [18], на территории которых к этому моменту проживало уже много русских. Другими словами, до появления пятинного деления существовали как бы отдельные, друг от друга независимые ареалы прибалтийских финнов, а после учреждения нового административно-территориального деления образовался как бы централизованный, смешанный ареал проживания води, ижоры, вепсов, лопарей с боль-

шой долей русских жителей.

В начале XVI в. появляются Новгородские писцовые книги (далее НПК), которые для топонимистов имеют важную лингвистическую ценность, так как представляют собой, помимо всего прочего, подробные описания городов, сел и других населенных пунктов.

Водская топонимика к XV в. сильно трансформировалась под влиянием русского и других прибалтийско-финских языков, что привело к возникновению на территории Водской пятины (и, соответственно, Водской земли) смешения русских и прибалтийско-финских топонимов [20]. Анализируя НПК, можно заключить следующее.

Во-первых, это первый источник, в котором представлен систематический свод топонимов северо-западных земель Московского государства. Этот свод является опорным материалом для изучения топонимики XVI в. Кроме того, при каждом топониме указывается его тип, что позволяет топонимисту сделать вывод о масштабах того или иного населенного пункта, деления его на концы, а последнее дает возможность выявить этнически преобладающее население в том или ином конце. Для решения этой задачи топонимисту помогает перечень имен и фамилий, указывающийся при каждом населенном пункте. Среди этих имен и фамилий встречаются явно прибалтийско-финские - Акка, Айно, Мукко, Тури, Матти, Савву и т.д.

Во-вторых, в НПК подробно описывается административное устройство Московской земли со структурой <пятина-уезд-погост-волость-волостка>. Надо сказать, что это деление настолько подробное, что указываются даже великокняжеские волостки и волостки детей боярских и наместников Князя. Для топонимистов аспект административно-территориального деления (далее АТД) очень важен, поскольку любые изменения в сетке АТД влекут к изменениям внутри топонимического единства.

Писцовые книги до сих пор не изучены топонимистами. На их основе составлены только схемы архимандрита Сергия [13].

Что касается русских грамот XVI в., то в них, в основном, фигурирует топоним *Водская земля*, а топонимика представлена окказионально, хотя довольно часто упоминают-

ся названия северо-западных погостов и уездов Московского государства [1, с. 349, 402, 448; 2, с. 83, 178, 198, 199; 3, с. 43, 62, 66, 320]. Из грамот архиепископов Великого Новгорода и Пскова Макария и Феодосия от 1534 и 1548 гг. соответственно мы узнаем, что в это время окончательно были искоренены все языческие обряды местных жителей (прибалтийских финнов), и водь к этому времени полностью перешла в православное христианство [11, с. 149, 167].

Русские грамоты целесообразно сравнить со шведскими XVI в. Здесь нужно отметить три момента. Во-первых, Водскую пятину в этих грамотах шведы называют одним словом *Petijn* (Пятина). Во-вторых, в грамотах вообще не упоминается Водская земля. В-третьих, именно в шведских грамотах впервые появляется топоним *Ingermanland* (Ингерманландия). Структура этого топонима достаточно прозрачна. Древнее название земли - *Inkerinmaa*, что в переводе с финского языка означает "Земля Инкери" (*Inkeri* - Инкери, *maa* - земля). В XVI в. шведы добавили к исходному названию компонент *land* ("земля"). Так что в переводе *Ingermanland* означает "Земля Инкери". Что такое *Inkeri*, какова этимология этого названия, пока никто из исследователей не знает.

Кроме того, в шведских грамотах проводится существенное географическое различие между Водской пятиной и Ингерманландией [14]. Из записок путешественников также видно, что в XVI в. под топонимом *Водская пяттина* понимались западные земли Московского государства, а под топонимом *Ингерманландия* - восточные: "Водская область (*Vuotzka regio*) лежит в 26 или, по самой большой мере, в 30 милях на *северо-запад* [*курсив А. В. Дмитриева*] от Новгорода, и крепость Ивангород остается от нее влеве" [9, с. 116]. Однако так ли это было на самом деле, мы не знаем. Возможным объяснением этому может являться тот факт, что в силу переселения на эти земли в XV-XVI вв. переведенцев из внутренней России и продвижения ижор в западные погосты Водской пятины водь к XVI в.

могла быть сильно вытеснена к Прилужью со своих восточных земель [14].

С конца XVI - до начала XVIII вв. в истории Ингерманландии, води и водской топонимики начинается шведский период.

К 1583 г. шведы овладевают территорией Приневья, захватывают русскую крепость Ивангород и создают одну из провинций Шведского государства - Ингерманландию.

В 1609 г. начинается строительство в Ингерманландии шведского торгового города Ниена и крепости Ниеншанц.

В 1617 г., согласно Столбовскому мирному договору, к Швеции отошли Ям, Орешек, Копорье, Ивангород и Кексгольм. После подписания Кардисского мирного договора в 1661 г. между Россией и Швецией шведское правительство стало заселять опустевшие земли финнами из разных лютеранских приходов Финляндии. Так Россия получила новую народность - ингерманландских финнов. В XVII в. происходит активная ассимиляция води со стороны ингерманландских финнов. Помимо финских колонистов, в Ингерманландию стали прибывать шведские помещики, шведские и немецкие купцы¹³.

В начале XVII в. появляются шведские писцовые книги (далее *Jordebocker*). Они писались преимущественно с опорой на собственно шведские исследования местности, но также и с привлечением русских писцовых книг. Надо сказать, что *Jordebocker* также плохо изучены топонимистами, как и НПК.

Существенным недостатком *Jordebocker* для нашего исследования является шведский язык представления топонимов. Достоинством является табличная форма организации материала, в отличие от русской (сплошной текст). Анализируя *Jordebocker*, можно заключить следующее.

Во-первых, появление в составе шведского королевства новой провинции Ингерманландии означало смену русского АД на шведское: вместо прежнего уезда появился лен, вместо погоста - лютеранский приход. Изменения границ этих единиц повлекли и к изменениям внутри самого топонимического единства.

¹³Подробнее о сословном составе жителей Ингерманландии XVII в. и о взаимоотношениях местного населения и пришлого см. Беспятых Ю. Н., Шаскольский И. П. Ижорская земля в XVII веке // Аграрная история северо-запада России XVII века: население, землевладение, землепользование. - Л., 1989.

Во-вторых, появление новой провинции привело к постепенному отказу от русских топонимов *Водская земля* и *Водская пятина* для этой территории, которых мы уже и не видим в Jordebocker.

В-третьих, в русско-прибалтийско-финской смешанной топонимике в XVII в. добавляется еще два новых следа - шведский и финский. Шведский след проявился в том, что возникли новые названия административно-территориальных и церковно-приходских единиц и новые типы топонимов (мызы, пустоши, урочища). Кроме того, существенным образом изменилась фонетическая оболочка топонимов. Финский след проявился, прежде всего, в возникновении финских деревень.

Если в русских писцовых книгах отражена более-менее естественная топонимическая структура, которая веками складывалась в "соавторстве" русского и прибалтийско-финских языков, то в Jordebocker представлена искусственная модель топонимики Ингерманландии - русско-финско-шведские топонимы: новые топонимы-названия административных единиц, новая типология топонимов и новые финские топонимы.

Параллельно с ведением писцовых книг возникают шведские карты Ингерманландии - так называемые ланткарты¹⁴. На ланткартах появляется много топонимов, которых нет в Jordebocker, и отсутствуют топонимы, которые в них представлены. Кроме того, на ланткартах наглядно показано шведское АД, которое только описано в Jordebocker. Ланткарты представляют ценный источник для изучения сельскохозяйственного, природно-экологического и социально-экономического положения края в XVII в. [10], однако по ним нельзя изучать топонимику изолированно, то есть без привлечения серьезных топонимических работ.

Ланткарты становятся основным источником для составления русских карт XVIII в. Создаваемые карты Ингерманландии, а потом Санкт-Петербургской губернии сильно искажали прибалтийско-финскую топонимику [15, 31, 33]. В литературе, посвященной

русской картографии XVIII в., есть устойчивое мнение о том, что прототипом для первой русской карты Ингерманландии А. Шхонбека "Географский чертеж над Ижорскою землею" 1703 г. послужил один из вариантов генеральной карты Ингерманландии конца XVII в., составленной Э. Белингом (оригинал хранится в Стокгольме в Военном архиве) [26, 28]. Надо сказать, что "Карта Ингерманландии" И. К. Кирилова 1727 г. составлялась с опорой на карту А. Шхонбека, а для последующих карт Ингерманландии и Санкт-Петербургской губернии использовался материал, полученный И. К. Кириловым.

На русских картах Ингерманландии и Санкт-Петербургской губернии XVIII в. мы имеем преимущественно заимствованные и переработанные названия со шведских ланткарт, поэтому говорить о каком-либо независимом существовании топонимики на русских картах XVIII в. не приходится.

В XVIII в. топоним *Ингерманландия* вытесняет топоним *Водская пятина* (пятичная система исчезнет в 1773 г.) и означает уже территориальное образование вообще всех народностей (русских, финнов, шведов, немцев, эстонцев), проживающих между р. Лугой и Ладожским озером. Это было следствием так называемой русификации автохтонного населения, проводимой русским правительством в XVIII в. [6]. Так, в 1700-1720-х гг. часть води была выслана в Казань, а на их место прибыло много русских жителей.

Кроме того, водь начинает исчезать из русских документов: ревизии, которые приходят на смену писцовым книгам, вообще не упоминают прибалтийско-финские народы. До конца XVIII в. водь не упоминается ни в одном источнике.

XIX-XX вв. становится периодом систематизации имеющегося материала по води и водской топонимике. Надо сказать, что за последние 200 лет в области данного вопроса изучено очень мало проблем. Причем если исследованию води время отвело целых 150 лет, то водской топонимике лишь последние 50-60.

Исследования води в конце XVIII в. -

¹⁴Исследованию шведских карт Ингерманландии посвящено огромное количество работ: Бергенгейма, А. И. Гиппинга, А. А. Куника, А. С. Лаппо-Данилевского, Л. Багрова, Х. Челина, В. Е. Возгрина, И. П. Шаскольского, У. Эренсверд, С. Б. Горбатенко, С. В. Семенцова, Сауло Кепсу.

первой половине XIX в. - это изучение преимущественно водской этнографии и частично языка (И. Г. Георги, Ф. Л. Трефурт, Л. А. Цетреус, А. М. Шегрен, Д. И. Успенский), получение статистических данных по води и создание этнографической карты Санкт-Петербургской губернии (П. И. Кеппен).

К первым попыткам описания прибалтийско-финских народов можно отнести исследование И. Г. Георги второй половины XVIII в. В его работе есть отдельные главы, посвященные финнам и ижорцам, но среди перечисляемых "народов финского племени" води не встречается [8].

Затем к этой проблеме обратился лютеранский пастор Ф. Л. Трефурт [41]. Вслед за ним води описал другой лютеранский пастор Л. А. Цетреус [27]. Однако если Ф. Л. Трефурт не знал финского языка и в описываемом им водском народе видел только чухонцев, то Л. А. Цетреус знал финский язык и впервые спустя почти 250 лет назвал води "вотландцами". Об исследователя сделали акцент на нравах и обычаях води, не коснувшись ее языка и топонимики.

Вопрос о водском языке был впервые освещен А. М. Шегреном [35], а затем Д. И. Успенским [25]. В их работах приводятся некоторые примеры из водской лексики, затрагивается фонетика водского языка в сравнении с фонетикой других прибалтийско-финских языков (ижорским языком, финским языком савакот и эвримейсет). Оба исследователя дают сведения о расселении води в первой половине XIX в., анализируют этноним "води", описывают водские нравы и обычаи.

В 40-х гг. XIX в. П. И. Кеппен самостоятельно получает статистические сведения о води и других прибалтийско-финских народах и составляет первую подробную этнографическую карту Санкт-Петербургской губернии, на которой показаны все прибалтийско-финские народы по уездам губернии с указанием лютеранских приходов. На карте представлено много топонимов данной территории на немецком языке [14]. Следует сказать, что П. И. Кеппен был первым, кто представил статистические данные по прибалтийским финнам (воде, ижоре, савакот и эвримейсет) и явился наряду с А. М. Шегреном одним из основателей научного изучения этих прибалтийско-

финских народностей.

Параллельно с исследованием води, ее этнографии, истории и языка в XIX в. продолжают составляться карты Санкт-Петербургской губернии. Однако они уже настолько были оторваны от реальной топонимической картины Ингерманландии (яркий пример - карта Бергенгейма 1827 г. [4]), что топонимы на этих картах можно изучать лишь исходя из знаний прибалтийско-финских языков и топонимики, так как "картографическая" топонимика XIX в. сильно "обрусела": например, русская формантная структура (-ово, -ево, -ино) полностью поглотила водскую (-la, -cula). Эту сильно "обрусевшую" топонимику наследовали уже современные русские карты второй половины XX в., на которых топонимы Ингерманландии (в том числе, и водские) сильно трансформированы.

XX век принес мало радостей жителям Ингерманландии. Так, к началу XX в. води было уже так мало, что власть посчитала ненужным предоставлять им национально-культурную автономию. В 1930-е гг. часть води была депортирована, часть подверглась коллективизации. Води ограничивали в использовании лодок, в ловле рыбы, развитии домашних ремесел, и, как результат, вожане стали уезжать в города.

В 1940-е гг. води вместе с ингерманландскими финнами и ижорой была вывезена в Финляндию с территории, оккупированной немецкими войсками. После возвращения води из Финляндии в СССР в 1945 г. ее расселили по всей стране, и только после 1956 г. води было разрешено вернуться на свою родину.

В XX в. появляется много работ по водской археологии и этногенезу прибалтийско-финских народов. Первые исследования в области водской археологии были сделаны в XIX в. раскопками Л. К. Ивановского [22]. Затем археологическое изучение води было продолжено экспедициями Е. А. Рябинина [21] и В. В. Седова [23].

Проблемами прибалтийско-финского этногенеза и формирования прибалтийско-финских языков занимались такие крупные ученые, как Д. В. Бубрих, П. А. Аристэ, Л. Ю. Янитс, Э. Н. Сетяля, Ю. Х. Тойвонен, П. Алвре, Х. А. Моора, А. Х. Моора, П. Н. Третьяков, И. Н. Шаскольский. Однако из всех уче-

ных, занимавшихся прибалтийскими финнами и, в частности, водью, только П. А. Аристэ обратился к проблеме водской топонимики. В одной из своих работ он писал, что из всей прибалтийско-финской топонимики водская является наименее изученной, так как не проводилось никаких специальных исследований по названиям мест, входящих в состав территории, на которой водский народ жил с 1860-х гг. по 1960-е гг. В его работах можно найти переводы водских топонимов на русский язык, реконструкцию водских топонимов; анализируются также водские диалектные зоны.

В XX в. продолжается составление карт территорий, исторически принадлежащих Ингерманландии. Среди этих карт наиболее подходящими для топонимического анализа являются следующие: карты аэросъемок эстонских и финских топографов конца 1930-х гг. (хранятся в Турку и Таллинне), немецкие засекреченные "25-метровки", русские военные карты 1941-1945 гг. (Генштаб С.-Петербурга). Однако, во-первых, не ко всем картам можно получить доступ (к немецким картам, в особенности), а во-вторых, эти карты составлены на эстонском, финском, немецком и русском языках, что, конечно, также отражает несколько иную топонимическую ситуацию Ингерманландии первой половины XX в.

В начале 1990-х гг. были предприняты первые попытки создания карт топонимов на оригинальном языке представления. Так, в начале 1992 г. выходит "Карта автодорог Ингерманландии", где представлены топонимы на пяти языках: русском, финском, шведском, немецком и водском [12]. Водские топонимы сильно модифицированы. Форма и локализация некоторых топонимов даны неверно.

Из всего этого можно заключить, что в XX в. не было проведено общих теоретических и прикладных исследований в области водской топонимики, которая до сих пор остается белым пятном в финно-угорской ономастике.

Итак, мы увидели, что в свете историко-культурных изменений ИИКЗ трансформировалась и водская топонимика, менялись границы развития этой топонимики, так как водь постоянно, начиная с XI в., претерпевала гонения, депортации, ассимиляции с другими народами. Это все проблемы так называемо-

го геополитического, исторического характера, которые являются неизбежными.

Однако есть целый ряд проблем, возникающий в связи с научным исследованием прибалтийско-финского языкознания, прибалтийско-финской топонимики.

Каковы же на сегодняшний день основные проблемы водской топонимики в научном аспекте?

Во-первых, на протяжении XIX-XX вв. водская топонимика не была целью исследования для ученых, так как внимание уделялось другим вопросам.

Во-вторых, отсутствие работ по водской топонимике обуславливает слабая разработанность общей теоретико-научной базы. В XIX-XX вв. учеными мало внимания уделялось проблемам водской этнографии и статистики. Вопросы этногенеза водского народа также мало освещались в русской и зарубежной литературе. Водский регион более-менее изучен только в области археологии и языка, хотя за сто лет написана только одна грамматика Д. Цветкова, которая к тому же не опубликована. До сих пор не создано ни одной концепции генезиса водской топонимики в аспекте всего прибалтийско-финского языкознания и ономастики. Лингвистами и топонимистами не исследована проблема влияния русского, финского, ижорского, шведского языков на формирование водских топонимов.

В-третьих, большая часть исследований по водскому региону проводилась, в основном, в XIX в. учеными из Германии, в XX в. - из Финляндии и Эстонии. Российских исследований в области водской этнографии, языка и топонимики пока нет.

В-четвертых, остаются без внимания топонимистов такие важные документы, как русские и шведские писцовые книги и карты Ингерманландии. 90% русских карт Ингерманландии - это переработки шведских карт и их модификации. А на основе русских писцовых книг Водской пятины пока не создано ни одной топографической карты, за исключением схем Архимандрита Сергия (Тихомирова), которые требуют серьезных доработок [13], и карты К. А. Неволлина, которая дает четкое представление о границах и административной структуре пятин XVI в., однако не отражает топонимическую ситуацию того времени [18].

В-пятых, без должного внимания остаются информанты, носители водского языка. Их используют как источник получения исторической и этнографической информации и очень редко топонимической.

Что мы имеем на сегодняшний день в своем распоряжении для изучения водской топонимики?

1. Документы:

а. Шведские и русские карты, хранящиеся в библиотеках России (Санкт-Петербург - БАН, РНБ и Москва - РГИА) и архивах Швеции - Военном архиве и Каммарархиве.

б. Шведские и русские писцовые книги XVI-XVII вв.

с. Этнографические и этнические карты XVIII-XX вв., которые дают представление об этнической дифференциации населения Санкт-Петербургской губернии (и прибалтийских финнов, в частности).

д. Различные церковные хроники, в которых часто перечисляются все топонимы того или иного прихода. Изучение и использования церковно-приходского деления (ЦПД) наряду с административно-территориальным (АТД) для исследования топонимики имеет

очень важное значение. Совмещение ЦПД и АТД ведет к выявлению перемещений и наложений границ: например, прихода на волость или наоборот, а это позволяет более глубоко вскрыть территориальную организацию топонимов определенного периода.

е. Разные списки селений, статьи, описания волостей и гминов XIX-XX вв. и т.д.

ф. Данные краеведов изучаемого региона. Краеведы дают подчас такую информацию, которую сложно отыскать в библиотеках и архивах, так как получают ее непосредственно от живых информантов.

2. Теоретические работы:

а. Исследования П. И. Кеппена и А. М. Шегрена, которые следует использовать как опорные для научного исследования воды, поскольку они первыми занялись ее научным изучением.

б. Работы А. Алквиста, Д. Цветкова, П. Аристэ, Л. Кеттунен, Л. Пости, Э. Эрнитс и др. исследователей водского языка и топонимики.

Проблема водской топонимики не является уникальной и изолированной. Она - часть проблемы всего финно-угроведения.

Литература

1. Акты Исторические. Т. I. - СПб., 1841.
2. Акты Юридические. - СПб., 1838.
3. Акты Археографической Экспедиции. Т. I. - СПб., 1836.
4. Бергенгейм 1-ый. Карты бывших губерний Иван-Города, Яма, Капорья, Нотэборга, составленная по масштабу 1827 года под присмотром генерал-майора Шуберта Генерального Штаба штабс-капитаном Бергенгеймом 1-ым. Из материалов, найденных в Шведских Архивах, показывающая разделение и состояние одного края в 1676 году. - СПб., 1827.
5. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. - Петрозаводск, 1947.
6. Выходков Л. В. Об этническом составе сельского населения северо-запада России (вторая половина XVIII-XIX в.) // Петербург и губерния. - М., 1989.
7. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. - М., 1938.
8. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. - СПб., 2005.
9. Герберштейн С. Записки о Московии. - СПб., 1866. - С. 116.
10. Горбатенко С. Б. Карты Ингерманландии и Карелии XVII века в Швеции и России // Краеведческие записки. Вып. 5. - СПб., 1997.
11. Древняя Российская вивлиофика. Часть XIV. - М., 1790.
12. Карта автодорог Ингерманландии. - СПб., 1992.
13. Карты Водской пятины и ее погостов в 1500 году. Сост. Архимандрит Сергей. - СПб., 1905.
14. Кеппен П. И. Водь в Санкт-Петербургской губернии. - СПб., 1851.
15. Кирилов И. К. Карта Ингерманландии. - СПб., 1727.
16. Конькова О. И. Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук / Очерки исторической географии: Северо-Запад: Славяне и финны. - СПб., 2001.
17. Моора Х. А., Моора А. Х. Из этнической истории воды и ижоры // Из истории славяно-прибалтийских отношений. - Таллинн, 1965.

18. Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. С приложением карты. - СПб., 1853.
19. Новгородская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. III. - СПб., 1841.
20. Новгородские писцовые книги. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года (первая половина). Т. 3. - СПб., 1868.
21. Рябинин Е. А. К проблеме этногенеза воды // Проблема этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. - СПб., 1994.
22. Седов В. В. Прибалтийские финны // Финны в Европе (VI-XV века). Часть I. - М., 1990.
23. Седов В. В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М., 1987.
24. Тимофеев В. Н. Новые находки мезолита и раннего металла в Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада СССР. - Л., 1985.
25. Успенский Д. Ингры, ваты, ягрямя, саволаксы // Финский вестник. Т. II. - СПб., 1845.
26. Фель С. Е. Картография России XVIII века. - М., 1960.
27. Цеплин П. А. Нечто о Вотландцах // Северный архив. Т. I. - СПб., 1822.
28. Шаблаева Н. К. К истории создания планов Петербурга первой четверти XVIII века // Петербургские чтения. Научная конференция. Тезисы докладов. Вып. 2. - СПб., 1993.
29. Шаскольский И. Н. Проблема этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славяне. - Л., 1979.
30. Шлыгина Н. В., Конкка У. С. Водь, ижора и финны Ленинградской области // Народы Европейской части СССР. Т. 2. - М., 1964.
31. Шмит Я. Ф. Карта Санкт-Петербургской губернии, содержащая Ингерманландскую, часть Новгородской и Выборгской губернии. - СПб., 1770.
32. Шумкин В. Я. Древнейшее население Фенноскандии // Очерки исторической географии. - СПб., 2001.
33. Шхонбек А. Географический чертеж над Ижорскою землею. - М., 1703.
34. Языков Д. И. Исследования, служащие к объяснению древней Русской Истории. - СПб., 1819.
35. Языков Д. И. О финских жителях Санкт-Петербургской губернии // Русский исторический сборник. Т. IV. - М., 1840.
36. Alvre P. Laaneneeresoome aluskeele varasest murdeliigendusest silmas pidades // Keel ja kirjandus, 1973.
37. Ingermanlandiae seu Ingriae novissima Tabula luci tradita per Homannianos heeredes. - Нюрнберг, 1734.
38. Setälä E. N. Suomensuisten kansojen esihistoria // Suomen Suku, I Helsinki, 1926.
39. Sjögren A. M. Ueber die Finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über die Ursprung des Namens Ingermanland // Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St-Petersbourg. VI Serie. Science Politique, Historie et Philologie. T. II. 1833.
40. Toivonen I. H. Suomalais-ugrilaisesta alkukodista // Virittaja. 1953.
41. Trefurt F. L. Von den Tschuden // Gadebusch F. K. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. - Riga, 1783. - S. 1-28.